

образом из области физики, заставляют переходить те или иные элементы этого процесса на новые орбиты»⁹². Хочу вполне присоединиться к К. К. Зельину в отрицании двух крайних точек зрения: той, что усматривает в непрерывности закон истории, и той, что объясняет новые направления исторического процесса только бурей политических и военных переворотов, начисто сметающих преемственность в развитии. «Как и в космосе, мы и в истории всегда можем найти промежуточные звенья, которые доказывают, говоря словами Энгельса, „что в природе (а также и в истории. — К. З.) нет скачков именно потому, что она складывается сплошь из скачков“»⁹³.

Таким образом, мы рассмотрели, по возможности, направления советской историографии в разработке одной из «вечных проблем» всемирной истории. Начав с безоговорочного признания концепции «революции рабов», советские историки обратились затем к изучению материала, позволяющего проверить, сложились ли в недрах античного общества предпосылки для перехода к новому способу производства и какую роль могли здесь сыграть движения рабов и других эксплуатируемых классов. Наметились два решения вопроса. Согласно одному, феодализация Империи зашла достаточно далеко, чтобы вопрос о смене способов производства стал на очередь и был осуществлен в результате стихийного взаимодействия заинтересованных в этой смене классов империи с варварами. Согласно другому — новый, феодальный способ производства или вовсе не складывался в рамках рабовладельческого, или играл столь незначительную роль, что не мог стать базой и причиной гибели последнего. Расхождение в этом вопросе поставило на очередь более общую теоретическую, методологическую задачу: выяснить, действовал ли в условиях гибели античного мира закон социальной революции как условия смены формаций; если действовал, то в чем его особенности по сравнению с другими революциями, а если не действовал, то каков же был здесь механизм наблюдавшихся процессов. Ответы, как мы видели, возможны разные, и тем полезнее представляется дальнейшая дискуссия.

А. Л. Кац

⁹² З е л ь и н, Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии..., стр. 130.

⁹³ Там же, стр. 130.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ОТДЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

(1963—1965 гг.)

Исследовательская работа ученых Отделения древнего Востока Государственного Эрмитажа заключается, в первую очередь, в подготовке публикаций памятников, хранящихся в музеях Советского Союза, главным образом памятников Эрмитажа и ГМИИ.

Капитальный труд «Каталог древнеегипетской скульптуры Эрмитажа», созданный совместно М. Э. Матеем и И. А. Лапис, который сдан в печать, состоит из трех частей: I. Введение; II. Скульптура Древнего, Среднего и Нового царства; III. Позднеегипетская скульптура. В «Каталоге» дается описание каждого памятника, датировка, иероглифическая транскрипция и перевод надписей, художественный анализ, а также воспроизведение большинства скульптур.

Продолжается начатая И. М. Лурье работа по изданию древнеегипетских стел. В ближайшее время будет завершена первая часть подготавливаемого Н. Б. Ландой каталога «Стелы эпохи Среднего царства (Эрмитажное собрание)».

Большой интерес представляет работа И. А. Лапис «Саисская формула», которая должна появиться в ближайшем томе «Трудов Государственного Эрмитажа». В статье

дается обоснованная датировка статуэтки Эрмитажного собрания (VIII в. до н. э.) и разбор так называемой саисской формулы, начертанной на ней. Рассматриваются существующие переводы этой формулы, которые сводятся к двум вариантам: 1) *ка* означает жертвенную еду и умерший через *ка* приобщается к божественной трапезе; 2) *ка* осмысливается как изображение того божества, которое помещается в наосе статуи. Автор предлагает придавать слову *ка* его основное значение «душа», «двойник» самого умершего, считая, что оно помещается перед изображением покойного с целью его защиты.

Анализ позднеегипетской скульптуры, в частности памятников фиванского искусства времени XXV династии, позволил И. А. Лапис прийти к интересным выводам относительно скульптурного портрета этого времени. В докладе, прочитанном на сессии, посвященной итогам научной работы Эрмитажа за 1963 г., И. А. Лапис убедительно показала, что появление в эпоху XXV династии портрета, детально передающего черты портретируемого, нельзя связывать только со стремлением подражать эпохе Среднего царства, как это делал ряд исследователей; для эпохи XXV династии характерно сосуществование обобщенного идеализированного портрета, выполненного в традициях Нового царства, с портретом индивидуализированным. Появление в эту эпоху скульптурного портрета, воспроизводящего действительный облик вельмож, объясняется большой политической самостоятельностью последних, а обращение к культуре прошлого (именно к эпохе Среднего царства) вызвано сходством в политической обстановке этих эпох. В скульптуре же этот процесс привел к появлению частного портрета с той степенью индивидуализации, на которую во время Среднего царства имели право лишь фараоны (см. статью И. А. Лапис в ВДИ, 1966, № 3).

Большой интерес представляет публикация М. Э. Матье бронзового футляра, хранящегося в ГМИИ им. А. С. Пушкина¹. Текст на футляре дает имя и титулы третьего жреца Амона в Карнаке Педиаменнебсутаи, который жил в VII в. до н. э. Особого внимания заслуживает один из его титулов: «строитель ладьи духов Ону». В Лувре и Британском музее хранятся аналогичные футляры, причем на обоих упоминаются лица, жившие в VII в. до н. э. Изображения в верхней части московского, луврского и британского футляров почти идентичны: два священных глаза на знаках *nb*; меняется лишь средний знак: на луврском и британском — *prg*, а на московском — знак картуша. Дриотон связывает эти изображения с Амоном, опираясь в своем толковании на акрофонический принцип. М. Э. Матье, опираясь в своем толковании изображений, полагает, что знаки *prg* и *šp* можно понимать как обозначение даров; именно в этом значении они употреблены на футлярах. Эти дары, по-видимому, перечислялись на табличках из слоновой кости, которые были вложены в футляр и подарены третьему жрецу Амона в честь праздника лунного божества, упомянутого в текстах на футлярах.

Н. Б. Ланда подготовила две публикации, посвященные эрмитажным памятникам. Это — перевод сохранившегося на фрагменте саркофага гимна богу Ра; гимн является прекрасным образцом древнеегипетского поэтического творчества. Сохранились имя и титул покойного: художник (*sš kdw*) Хонсухетнернеб. Памятник датируется временем XXII династии (печатается в СГЭ). Вторая публикация — издание стелы из коллекции Б. А. Тураева. Как следует из надписи, стела посвящена знатному человеку и принадлежит к числу немногочисленных памятников, дошедших до нас от эпохи I Переходного периода (XXIII—XXI вв. до н. э.). Палеографические и стилистические особенности надписи и изображений позволяют с уверенностью определить место ее происхождения как Гебелен (см. ВДИ, 1966, № 4).

Истории изучения переднеазиатских памятников в собрании Эрмитажа посвятила свою работу В. К. Афанасьева; автор дает обзор памятников материальной культуры Двуречья (клинописи и изобразительного искусства) и освещает историю изучения этого материала русскими и советскими учеными (печатается в СГЭ).

¹ М. Э. М а т ь е, К истории фиванского жречества, ПС, 13 (76), 1965, стр. 3—14.

Совместная работа И. М. Дьяконова и В. К. Афанасьевой привела к созданию двух интересных очерков. В первом — «Архитектура стран Двуречья» — рассматривается архитектура Шумера, Аккада, Ассирии и Вавилона с точки зрения эволюции строительной техники и дается характеристика художественных особенностей архитектурных памятников Передней Азии. Второй очерк касается истории изобразительного искусства Передней Азии и предназначен для сборника «Памятники культуры древнего Востока». В нем рассматриваются памятники изобразительного искусства и архитектуры Шумера, Аккада, Ассирии, Вавилона, Хеттского царства, Фригии и Угарита.

Исследования В. К. Афанасьевой в области шумеро-аккадской глиптики, которые автор ведет уже в течение ряда лет, привели к весьма существенным результатам. В работе «К вопросу об изображениях на печатах Раннединастического и Аккадского периодов» (СГЭ, XXV, 1964, стр. 42—46) решается вопрос об изображениях в раннединастической и аккадской глиптике божества Думузи-Таммуза и героев аккадского эпоса о Гильгамеше. Этому же вопросу посвящена статья «„Гильгамеш и кедр“ в глиптике»². Сопоставляя шумерские и аккадские песни о Гильгамеше и Энкиду с изображениями на печатах, автор приходит к выводу, что в ряде изображений на печатах аккадского времени имеются соответствия эпизодам аккадского эпоса о Гильгамеше. Отдельные эпизоды могут объединяться на одной печати и кратко повествовать об основных событиях произведения.

Работа В. К. Афанасьевой «Шумерская эпическая песнь „Гильгамеш и гора бессмертного“» (ВДИ, 1964, № 1, стр. 84—92) относится к этому же циклу. Шумерская эпическая песнь «Гильгамеш и гора бессмертного» исследуется автором с точки зрения генезиса героического эпоса. Указывается на связь ранней эпической поэзии с обрядами, в частности с обрядом инициации. Ставится вопрос о стадийном возрасте предания и на основе этого решается вопрос о возможной дате создания песни. В отличие от некоторых других исследователей, автор считает возможным предложить более раннюю датировку.

Все эти исследования легли в основу диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Мифология и эпос в шумеро-аккадской глиптике», которую В. К. Афанасьева защитила 13 января 1966 г. на Восточном факультете Ленинградского государственного университета. Материалом для исследования послужила одна из наиболее распространенных групп изображений в глиптике древнего Южного Двуречья — так называемый «фриз сражающихся», которая появляется в Шумере примерно в середине раннединастического периода (около XXVII в. до н. э.), а также обширный материал мирового фольклора и этнографии. Диссертация посвящена важной для изучения истории и искусства Шумера проблеме соотношения мифа и эпоса с искусством, в частности с глиптикой, представленной наибольшим количеством памятников. Опираясь на самостоятельный анализ большого числа источников, как художественных, так и литературных, В. К. Афанасьева сумела дать оригинальную трактовку этой важной темы. Исходя из анализа функционального назначения предметов глиптики древнего Шумера, автор создает стройную концепцию развития этого искусства с древнейших времен до 2000 г. до н. э. и показывает, что характер глиптических изображений имеет общие корни с эпическими и мифологическими мотивами. Однако вплоть до середины III тыс. до н. э. глиптика непосредственно не иллюстрирует каких-либо известных нам литературных произведений древности. Только в аккадский период в связи с характерной для этой эпохи коренной социальной и идеологической ломкой в глиптические изображения проникают иллюстрации аккадского эпоса о Гильгамеше (в его ранней, вероятно еще устной, форме), а отчасти и шумерских поэм о Гильгамеше, которые автор впервые в науке весьма убедительно трактует не столько как эпические песни, сколько как стихотворные сказки мифологического содержания. В результате В. К. Афанасьева вносит значительно больше ясности в одну из самых сложных проблем истории культуры древнего Двуречья, чем это смогли сделать ее предшественники.

² Сб. «Ассириология и египтология», Л., 1964, стр. 21—30.

Большая, плодотворная работа по расшифровке шумерского рисуночного письма ведется в течение ряда лет А. А. Вайманом. В докладе на юбилейной научной сессии Эрмитажа в 1964 г., посвященной расшифровке протошумерской письменности, А. А. Вайман сообщил о результатах своей работы. Первыми известными исследователями шумерского рисуночного письма были С. Лэнгдон и А. Фалькенштейн, которым удалось способом отождествления рисуночных знаков с ранними формами клинописи расшифровать около 170 рисуночных знаков из общего числа 1200. А. А. Вайман, исследуя надписи на глиняных табличках, найденных в IV слое Урука (конец IV тыс. до н. э.) и в храмовых помещениях Джемдет-Насра в III—II слоях Урука (начало III тыс. до н. э.), пришел к выводу, что во многих случаях приходится сталкиваться не с различными знаками, а с почерковыми и временными вариантами, и это позволило «сократить» общее количество знаков с 1200 до 800. Ученый увеличил число пиктограмм, отождествленных с клинописными знаками, от 170 до 250, а также раскрыл значение большинства пиктограмм. Кроме того, он установил значение около десятка пиктограмм, вышедших из употребления еще до формирования клинописи, объяснил оставшиеся непонятными обозначения мер емкости и длины и значение некоторых специальных цифр. Автор доказал шумероязычность древнейших пиктографических текстов. В результате удалось прочитать около 100 текстов полностью и ряд других — частично (см. «Переднеазиатский сборник», II, М., 1967).

А. А. Вайман продолжает исследования в области шумеро-вавилонской математики. Результатом явилась статья «Истолкование геометрических постоянных из Сузского клинописного списка I» (ВДИ, 1963, № 1). В клинописном списке I (Сузы) и другие клинописные документы, на которые ссылается автор, датируются старовавилонским временем (XIX—XVII вв. до н. э.). Зафиксировано 70 постоянных величин: 31 геометрическая постоянная и 49 эмпирических постоянных. Девять из общего числа геометрических постоянных для фигур были истолкованы Брунсом, автор предлагает толкование еще 20 постоянных для восьми фигур.

3 марта 1965 г. А. А. Вайман защитил в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тема диссертации — «Шумеро-вавилонская математика» — была представлена книгой, опубликованной в 1961 г. Она состоит из краткого введения (стр. 3—6), характеризующего материал исследования; восьми глав (стр. 7—206), раскрывающих системы исчисления (I), метрологии (II), постоянные величины и обратные постоянные (III), технику вычислений и вычислительные таблицы (IV), особенности решений задач в области арифметики (V), геометрии (VI), алгебры (VII), приемы составления задач и элементы теории чисел (VIII); заключения (стр. 207—212), содержащего краткую характеристику важнейших результатов развития шумеро-вавилонской математики, двух приложений (стр. 215—272) с прорисовками, транскрипцией, переводом и комментарием не издававшихся ранее клинописных математических текстов собрания Государственного Эрмитажа. В конце книги приведена исчерпывающая библиография.

Работы Н. Б. Янковской посвящены социальным проблемам древней Передней Азии. Книга ее, которая выходит в скором времени в издательстве «Наука», — «Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР» — содержит автографи, транслитерацию и перевод с комментариями ста писем и юридических документов коллекций Государственного Эрмитажа и ГМИИ им. А. С. Пушкина (собрание В. С. Голенищева — с исправлениями и дополнениями по изданной ранее четвертой части этой коллекции). Введение содержит краткий очерк по истории изучения текстов Кюль-Тепе, по археологии этого городища, характеристику торговой деятельности Каниша (ареал торговли, источники основных статей торговли и объем ее, значение кредита и особенности ссуд иноземных и местных купцов), сведения об организации торговли (администрация городской общины Каниша, отношение ее к торговой организации и структуре частных торговых обществ, представляющих иноземное купечество канишского

³ Текст издан Брунсом и Руттен, см. TMS, табл. IV (фотография), табл. 4, 5 (автография), стр. 25—27 (транскрипция), 27—30 (перевод), 30—34 (комментарий).

В сборнике советских исследований по истории Месопотамии опубликован автореферат работ Н. Б. Янковской⁴: «Хурритская Аррапхе» (ВДИ, 1957, № 1, стр. 17—33); «Зависимость распоряжения собственностью в Аррапхе от особенностей ее общественного строя» («Еос», XLVIII, 1957, стр. 3—13); «Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках» (ВДИ, 1959, № 1, стр. 35—51); «Распад большесемейной домовой общины в Передней Азии II тыс. до н. э. (К вопросу о роли товарного производства в развитии рабовладельческой формации)» (Л., 1959); «Из истории хурритского общества по материалам юридических документов из Аррапхи и Ала-лаха» («Труды XXV МКВ», I, М., 1962, стр. 226—232).

В своей полемической работе «Международное торговое объединение Каниша» (ВДИ, 1965, № 3, стр. 179—192) Н. Б. Янковская выступает против предложенной Полем Гарелли контаминации гипотез Б. Ландсберга и Ю. Леви (Каниш — часть политической организации государства Ашшур), доказывая, что канишское торговое объединение было чисто коммерческой организацией при местной торговой общине, представленной купцами-эпонимами, гражданами канишской городской общины. Возникло это объединение в результате частного предпринимательства купцов из Ашшура и других городов Месопотамии, Северной Сирии и Восточной Анатолии (ассирийцы, амореи, хурриты, хетты).

Отделение древнего Востока ведет также и большую научно-популярную работу. Так, в книге «Эрмитаж» (Л., 1964) М. Э. Матье принадлежат научно-популярные очерки о двух шедеврах эрмитажного собрания — медальоне с тканым изображением богини земли Гэ и статуе Аменемхета III. Книга М. Э. Матье «Во времена Нефертити» (Л.— М., 1965) знакомит широкого читателя со временем и реформой Аменхотпа IV, явлениями его семьи и с удивительными памятниками архитектуры, изобразительного и прикладного искусства амарнского периода (см. рец. В. В. Павлова в ВДИ, 1966, № 3). В своей работе «Шкатулка с тысячей секретов», напечатанной в «Неделе» (1965, № 7), А. А. Вайман рассказывает в доступной форме о расшифровке шумерского рисуночного письма.

⁵ J. Posener with the assistance of S. Sauneron and J. Joytte, *A Dictionary of Egyptian Civilisation*, L., 1962.

С 1962 по 1963 г. коллекция Отделения древнего Востока пополнилась за счет материала Нубийской археологической экспедиции АН СССР, работавшей под руководством Б. Б. Пиотровского в районе протяженностью около 30 км от Герф-Хуссейна до Махаррана.

У частных лиц Эрмитаж приобрел бронзовые статуэтки — кошку с котятками, Исиду с младенцем Гором (у В. В. Дикушина, 1963 г.) и статуэтку-ушебти (у М. И. Мелек-Пашаевой, 1963 г.). В. А. Крачковская передала в дар алебастровый сосуд (1964 г.). Из коллекции Г. Г. Леммлейна, поступившей в Эрмитаж по завещанию владельца, в Отделение переданы скарабей — один аметистовый и три лазуритовых (1963 г.).

Отделение древнего Востока ведет обширную переписку и обмен информацией, литературой, фотографиями памятников с иностранными коллегами.

В заключение можно сказать, что работы сотрудников Отделения вносят существенный вклад в дело изучения стран древнего Востока — их экономики, социальных отношений, литературы, искусства, идеологии — и способствуют тому, чтобы эти достижения науки стали достоянием широких масс читателей и посетителей музея.

Н. Б. Ланда
